

ОБ ИСХОДНЫХ ПОНЯТИЯХ АРХИТЕКТУРНОЙ ФИЛОСОФИИ ЛУИСА КАНА В КОНТЕКСТЕ ЕГО ТВОРЧЕСКОГО МЕТОДА

О.И. Явейн

Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена творчеству одного из наиболее оригинальных и глубоких мастеров архитектуры XX века Луиса Исидора Кана. Базовые теоретические понятия архитектурной философии Л. Кана рассматриваются в контексте его архитектурных концепций и проектного метода.

Ключевые слова: Нулевой том истории архитектуры, форма, проект, природа, обслуживающее и обслуживаемое пространства, площадь, галерея, колонна, порядок пространств, порядок конструкции, порядок света, порядок структуры

ABOUT SOME BASIC INITIAL CONCEPT ARCHITECTURAL PHILOSOPHY LOUIS KAHN IN THE CONTEXT OF HIS CREATIV METHOD

O.I. Yawein

Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to the work of one of the most original and profound masters of twentieth century architecture of Louis Isidore Kahn. Basic theoretical concepts of architectural philosophy of L. Kahn considered in the context of its architectural concept and design method.

Keywords: zero volume of the history of architecture, form, design, nature, serving and served spaces, area, gallery, column, the order of the spaces, the procedure of construction, the order of the light, the order of structure

Архитектура Луиса Исидора Кана (1901 – 1974) глубоко индивидуальна и в наследии XX века стоит особняком. Вместе с тем его архитектурное творчество и философия архитектуры могут быть рассмотрены как первая всеобъемлющая конструктивная альтернатива Современному движению и в тоже время как серия глубоких архитектурных идей, имеющих вневременное значение и продолжающих изучаться и переосмысляться в современных исследованиях и практике проектирования. Настоящая статья является одним опытов такого изучения и переосмысления.

Если основоположники Современного стремились чтобы открыть универсалии, соответствующие новой эпохе, то Луис Кан видит задачу архитектора в том, чтобы “найти новые выражения для старых представлений”.

“Я обладаю арсеналом архитектурной истории, – говорит мастер, – я никогда не прикасаюсь ни к чему, кроме ее первого тома, а в нем, кроме первых глав ... Я пытаюсь представить себе Нулевой том или том минус Первый. Я восхищаюсь тем фактом, что была создана комната, что из стены возникла (произросла) колонна” [8, С.371].

Понятие “нулевой том” имеет для Л. Кана не хронологический, а скорее феноменологический смысл и связано с осмыслением ключевого для философии Л. Кана понятия “форма”, решительно расходящегося с общеупотребительным и близкого к трактовке его Аристотелем.

“Форма” для Л. Кана – набор признаков, характеризующих существенные структурные качества объекта; в ней заключена связь элементов, существующих уже в уме как отношения между неотъемлемыми изначальными признаками понятия “дом”, “школа”, “колонна” и др. В отличие от “проекта” – конкретной реализации “формы”, зависящей от определенных условий и многообразия функций здания, - сама “форма”, как ее трактует Л. Кан, не связана с конкретными очертаниями, размерами и даже визуально не представима (“форма” – что, проект – как). Л. Кан, например, писал: “Теперь задумайтесь, что отличает абстрактное понятие “Дом” от конкретного дома, в смысле “домашнего очага”. Понятие “Дом” – это абстрактная характеристика пространств, пригодных для того, чтобы в них жить. Это форма, и в нашем представлении она не должна иметь ни очертаний, ни размеров.

Конкретный дом – это зависящая от определенных условий трактовка этих пространств. На мой взгляд, талант архитектора сильнее проявляется в его способности осуществить то, что скрывается за понятием Дом, чем в проектировании конкретного дома” [3, С.527].

В системе “форм” – понятий как бы восстанавливаются изначальные связи целого класса объектов путем очистки их от всего наносного, частного, порожденного обстоятельствами. В результате, понятие “форма” характеризует у Л. Кана не отдельный объект, а мыслится мастером как семантическое ядро целого класса объектов – его “природа” – и как общая формула их устройства – порядок.

“Природа” – это сущность “формы”, ее истоки, то, что характеризуется набором семантических признаков, отличающих одну “форму” от другой. “Природа” архитектурного пространства выступает у Л. Кана как сущность “места”, как совокупность различительных признаков, таких, например, “человеческих институтов”, как библиотека, школа, унитарная церковь и т.д. Описание этих “институтов” строится на основе более общих, универсальных в представлении Л. Кана “форм” – понятий: “двор”, “сад”, “площадь”, “галерея”, “улица” и т.д. – значение которых не совпадает с общеупотребительным, а соотносится с двором, площадью, галереей и т.д. в их привычном понимании только через отдельные, существенные для Л. Кана признаки [4; 5; 8].

“Природа” пространства определяется, таким образом, рядом существенных признаков, которые часто объясняются Л. Каном метафорически, путем уподобления другому объекту, где эти признаки явно доминируют. “Природа пространства, - пишет Л. Кан, - раскрывает то, чем оно хочет быть”. Кирпичная балка у Л. Кана “хочет быть аркой”, кухня – общей комнатой, спальня – “маленьким домиком внутри себя”, колонна – “двором” и т.д. [4; 8; 2, С.371].

“Из того, чем хочет быть пространство, неизвестное может открыться архитектору”, ибо для Л. Кана в “природе” пространства, в признаках, отличающих одно место от другого, заключается “стремление существовать определенным способом”, т.е. принципы его внутренней организации, его “порядок” (или “закон”) [4].

“Порядок” выступает у Л. Кана как общая формула устройства, “формы”, поскольку он определяет основные топологические (соседство, разделённость, замкнутость, ориентированность и т.д.), а иногда и метрические отношения между элементами “форм”. При этом Л. Кан выделяет два связанных между собой и одновременно противопоставленных один другому уровня постижения порядка “формы” – “порядок конструкции” и “порядок структуры”. “В проектировании, – пишет Л. Кана, – заложено рассмотрение разницы между порядком структуры и порядком конструкции. Это две разные вещи”.

“Порядок конструкции” у Л. Кана также не совпадает с общепринятым значением этого понятия: он “раскрывает порядок времени”, т.е. процесс создания вещи из отдельных элементов, обладающих своей «природой». Различия и сходства в элементах определяют связи и отношения между ними, а “порядок здесь производный по отношению к природе элементов”. “Порядок структуры” выступает как “перевернутый” “порядок конструкции”: он возникает тогда, когда архитектор осознает внутренние связи между элементами, и эти связи становятся определяющими, “направляя руку проектировщика, мотивируя идею изготовления каждого отдельного элемента” [8, С.449].

Таким образом, переход от “порядка конструкции” к “порядку структуры” характеризуется Л. Каном как “поиски знаков правдивой природы более “высокого уровня порядка”, как “поиски нового всеобъемлющего закона”.

При этом такие поиски осуществляются Л. Каном на разных уровнях. Во-первых, мастер стремится выделить общие взаимосвязи, присущие материалу, конструкциям, пространству, свету и т.д. Вы понимаете, – пишет мастер, – что материал имеет свой порядок, ... что пространство имеет порядок ... что свет имеет порядок ... в том смысле, что этот порядок дается структурой и т.д.” [8, С.449].

Во-вторых, Л. Кан ставит задачу интегрирования различных видов порядка. “Порядок пространства, по его мнению, должен быть интегрирован с “порядком конструкции”, последний интегрируется через “порядок структуры” с “порядком света” и т.д.

В качестве основы собственно “пространственного порядка” у Л. Кана выступает разделение пространств на обслуживаемые и обслуживающие. “Понимание ... порядка пришло ко мне в новом значении ... обслуживающие и обслуживаемые пространства должны быть разделены ... Такое разделение стало основой всех моих планов ...”, - пишет Л. Канн [3, С.522-523].

Понятие “обслуживающее” у Л. Кана включает в себя все, что хоть в каком-либо отношении “питает” обслуживаемое и относится не столько к определенным функциям, сколько к отношениям между группами функций. Все, что находится по одну сторону оппозиции, обслуживающее-обслуживаемое, нередко внутренне уже не дифференцируется, а различные функции могут получить тождественное выражение.

Подчеркнуто одинаковы, например, обслуживающие “комнаты-колонны” в купальнях Трентона, четыре шахты Флешер хауза и библиотеки в Эксетере, а периферийные башни в лабораториях медицинских исследований Пенсильванского университета заключают в себе либо лестницы, либо воздуховоды. Лестницы и воздуховоды получают одно и то же архитектурное выражение, так как для Л. Кана они находятся в одинаковых отношениях к деятельности, которую они обслуживают. Подобные примеры нетрудно умножить.

Л. Канн, как отметил Р. Вентури, “признает изменяющуюся сложность отдельных функций, дифференцируя помещения обычным путем с помощью изменения градации их размеров, качества, называя их служебными и главными пространствами, и с помощью других определений, скорее общего порядка, чем частного” [3, С.549]. При этом те характеристики пространства, которые не относятся к этим общим определениям, как бы вообще не принимаются во внимание.

В результате, разделение пространств на обслуживаемые-обслуживающие реализуются у Л. Кана не столько в разделении на конкретные функции, сколько обнаруживается в таких существенных для Л. Кана противопоставлениях, как проектирование “изнутри-вовне”, и наоборот, пространство, сделанное по “масштабу человека” и “по масштабу вещи”, “дисциплина”–“свобода”, конструктивный элемент – “чистый пролет” и т.д. Эти противопоставления оказываются включенными в общую оппозицию обслуживаемое-обслуживающее, которая в свою очередь может рассматриваться как “свернутая серия” противопоставлений.

Французские ученые Ж. Кастекс и Ф. Панере справедливо замечали, что взаимоотношения главных пространств между собой и с внешней средой осуществляются у Л. Кана через обслуживающие пространства, что дает возможность сохранять целостность обслуживаемых пространств [2, С.89]. И действительно, уже в ранний период творчества мастера обслуживающие пространства устойчиво берут на себя также и функции границы. Так, в типографии “Трибюн Ревью” в Питсбурге (1958-1961) различные виды обслуживания собраны в “центральный хребет” (термин Л. Кана), который функционирует как граница между расположенными по обе стороны от него производственными и административными помещениями и выступает как прообраз будущих “полых стен”, обслуживающих пространств – темы, получившей затем в творчестве мастера трансформируемое развитие.

В тех произведениях Л. Кана, где дифференцируются отдельные виды обслуживания, различное архитектурное выражение также получают не столько конкретные функции, сколько вводимое уже внутрь самих обслуживающих пространств разделение на обслуживающие и обслуживаемые пространства. В этом случае граница между обслуживающим и обслуживаемым пространством может быть образована одним из видов обслуживания (например, “служебными внутренностями”), а обслуживающее пространство, будучи границей между главными, само имеет границы и образует иерархию границ в пределах оппозиции обслуживающее-обслуживаемое.

Так, “центральный хребет” в доме М. Вейса, будучи целостной границей, одновременно как бы раздваивается: в нем выделяется коммуникационная зона (прототип будущих “дворов” Л. Кана), границей, между которой и главными пространствами, в свою очередь, являются “обслуживающие хребты”.

В результате обслуживающие пространства выступают у Л. Кана как своего рода конструктивный каркас, образующий систему пространственных границ здания: пространства, противопоставленные друг другу в разных отношениях (общественное-частное, ВШ-ВН, организованное-неорганизованное и т.д.), устойчиво граничат друг с другом через разнообразные виды обслуживания.

Несколько подробнее остановимся на противопоставлениях, выступающих как более конкретная реализация ключевой у Л. Кана оппозиции обслуживаемое – обслуживающее. Так, “порядок” у Л. Кана возникает в результате отношений, функциональных и пространственных, между обслуживающими пространствами. “Порядок плана, – утверждает мастер, – определяется порядком обслуживающих пространств”, а ... “Природа пространства характеризуется ... меньшими пространствами, которые это пространство обслуживают” [8, С.94, 127].

Л. Кан любил рассказывать “о большом замке воды, узком внизу и широком наверху” (водонапорная башня), который он видел в одном из поселений засушливого района Индии. Вокруг этого “замка воды” лучами расходились акведуки, вызывая появление плодородных земель, деревьев и домов, которые тем самым приобретали значимые позиции. Такие же значимые позиции занимают гаражи – “гавани” (проект центра Филадельфии), “шахты” медицинских лабораторий Пенсильванского университета, комнаты – колонны в Трентоне и т.д. Во всех случаях обслуживающие пространства для Л. Кана – это символы человеческой деятельности, ее порядка и власти над окружающей природой, в них заключено то, что Л. Кан называл “формообразующими факторами” или “формообразующим моментом”.

В результате, отношение организующее – организуемое в мышлении Л. Кана становится органически связанным с оппозицией обслуживающее – обслуживаемое и раскрывается как противопоставление пространств, обусловленных своей собственной внутренней природой – и спроектированных от внутреннего к внешнему (далее ВН и ВШ), и пространств, которые являются выражением не своего собственного пространства, а другого, и спроектированных от ВШ к ВН. При этом принцип от ВН к ВШ доводится до

предела в том смысле, что все мешающее чистой реализации природы главного пространства, выносятся в обслуживающие пространства. “Их существенная разница, – говорит Л. Кана, – состоит в том, что одно из них выражает существование в ансамбле, тогда как другое является выражением своего собственного способа существования” [5].

С оппозицией обслуживающее – обслуживаемое устойчиво совмещено и часто употребляемое Л. Каном противопоставление “хорошего и плохого” пространств. “Здание должно иметь плохие пространства так же, как хорошие пространства”, – утверждал Л. Кан. “Хорошее” пространство во многом выступает для Л. Кана как архитектурное пространство, т.е. пространство, которое обусловлено своей внутренней природой, имеет свой свет и свою конструкцию. “Каждое пространство должно быть уточнено присущей ему структурой и характером естественного освещения”, – заявляет Л. Кан и тут же делает оговорку: “Конечно, я не говорю о второстепенных помещениях, призванных обслуживать главные” [3, С.530,550,554].

Оппозиция “хорошее – плохое” часто реализуется Л. Каном в виде более конкретного противопоставления пространств антропоморфных (в смысле – “скроенных по человеку”) и неантропоморфных (“скроенных по вещи или машине”). Л. Кан считал, что пространства часто оказываются соразмерными не человеку, а вещи. Между тем предмет по Л. Кану является лишь “инструментом в руке человека, продолжением его руки” и “используется, чтобы распространить свой порядок, навязывая его окружению”. Значительная архитектура, по мнению Л. Кана, не связана с пространством, “скроенным по объекту”. Однако такую архитектуру Л. Кан допускает, когда речь идет о пространствах, предназначенных для механических услуг, кладовой и т.д. [6, 7].

Все виды технического обслуживания Л. Кан стремится сгруппировать в отдельные пространства со своей конструкцией, проводя четкое разделение между “пространствами” машины, обслуживающей некоторую деятельность, и самой деятельностью. При этом если “пространство машины” или “пространство вещи” помещены внутрь конструктивных элементов (лаборатория Солка в Сан-Диего, купальня в Трентон и др.), то, как отмечает Л. Кан, “их пространство определяется формой конструкции”. Подобным же образом, когда они собраны в определенные объемы, их строение определяется формой объема (лаборатория Ричардса, дом Флешера и др.). В то же время из пространств, “скроенных по человеку”, также выносятся в пространства, “скроенные по вещи”, все, что мешает чистоте воплощения природы главного пространства или, как говорил сам мастер, “персонализации места, реализующего смысл” [5, С.9].

В результате, самые различные конструктивные элементы противопоставляются “чистому пролету”, массивные тела – пустоте, жесткая организация – свободе, как обслуживающее – обслуживаемому. Следовательно, обслуживающие пространства, внутренне не дифференцируясь, не только заключаются в конструктивные элементы (“комнаты-колонны”, полые стены и т.д.), но и обозначаются через эти элементы, и, напротив, архитектурные элементы, выполняющие конструктивные и отграничивающие функции, осмысляются Л. Каном как виды обслуживания и постоянно трансформируются в обслуживающие пространства.

Таким образом, обслуживающее – обслуживаемое реализуется в серии противопоставлений, которые представляют собой более конкретную символизацию этой оппозиции и выступают как своеобразные синонимы по отношению друг к другу и к ведущей оппозиции обслуживающее – обслуживаемое, а пространства (или архитектурные элементы), которые по какому-либо признаку могут быть отнесены к обслуживаемому, в определенном смысле уравниваются со всем классом обслуживающего, который нередко обозначается через часть.

Противопоставления, входящие в “свернутую серию” оппозиций, не носят абсолютного характера. Так, противопоставление пространств, “скроенных по человеку”, оставленных

“свободными” и т.д. – пространствам, “скроенным по вещи”, заключенным в массивные элементы, образует у Л. Кана в конечном счете иерархию, на одном полюсе которой лежат главные пространства, на другом – служебные внутренности. “Л. Кан установил образцовую иерархию между пространствами с помощью того, что он называет “служебными внутренностями”, которые собраны в четко определенных объемах, оставляя свободными места, в которых живут”, – замечает французский ученый Ф. Кали [1, С.23].

Поскольку в “свернутую серию” входит и противопоставление “отграничивающее” – “отграничиваемое”, то признаки обслуживающих пространств начинают выступать и как признаки пространственных границ.

По мере подведения понятия “обслуживание” под «более общий закон» оно начинает включать в себя все более широкий круг функций, а обслуживающие пространства устойчиво берут на себя функции границы. Одновременно противопоставление отграничивающее – отграничиваемое все активнее включается в “свернутую серию” оппозиций, находящихся в отношениях синонимии друг с другом и с центральной оппозицией обслуживающее – обслуживаемое.

То, что обслуживающие пространства устойчиво становятся границами, вполне закономерно в творчестве Л. Кана, так как целый ряд признаков обслуживающего (организующего, выражающего природу другого пространства, спроектированное по принципу от ВН к ВШ и т.д.), естественно претворятся в границу. Так, если обслуживающее пространство находится между двумя главными и противостоит им как выражающее их природу и организующее их, то в крайнем проявлении этих признаков обслуживающее пространство начинает выступать как воплощенное взаимодействие двух смежных главных пространств, то есть как граница. Таким образом, отграничение становится одним из видов обслуживания, а ряд других частных признаков обслуживающего (дисциплина, конструктивный элемент, жестко определяемый объем и т.п.) выступает как устойчивые признаки языка пространственных границ Л. Кана.

В итоге, архитектурные элементы и целостные пространства, осмысляясь как границы, нередко оказываются в творчестве Л. Кана эквивалентными друг другу и в этом смысле уравниваются, зачастую трансформируясь одно в другое.

В проекте дома Ф. Адлера модульные единицы соприкасаются друг с другом только краями обслуживающих зон, которые всегда четко выявлены, даже если остаются незаполненными. При этом структура пространственных границ Адлер хауса определяется способами группировки и заполнения периферийных зон. Если модульные единицы соединены со смещением, то граничные зоны остаются незаполненными. При простом же соединении (соприкосновении) двух периферийных пространств они заполняют две или (если модульные единицы расположены друг над другом) четыре смежные граничные зоны. В случае простого соединения отношение касания между модульными единицами преобразуется на функциональном уровне в отношении пересечения с обязательным выделением зоны пересечения в самостоятельное буферное пространство. Различия же в заполнении и оснащении периферийных зон конкретными видами обслуживания – камины, санузлы, лестницы и т.д. – конкретизируют функциональное назначение центральных пространств и строение границ между ними.

Для Л. Кана характерно стремление осознавать выработанные им приемы и принципы проектирования как частное проявление общих пространственных и функциональных отношений и формулировать их в понятиях уже скорее общего, чем частного порядка. В дальнейшем эти общие понятия осознаются Л. Каном уже как варианты еще более общих и универсальных, или, как говорил сам мастер, “подводятся под более общий закон”. В результате, обслуживающие пространства начинают включаться в более сложный “порядок пространств”, а анализ произведений Л. Кана показывает, что в его творчестве могут быть выделены структурные схемы, выражающие устойчивые признаки для всех

элементов, находящихся в одной и той же позиции относительно этих схем и принадлежащие уже как бы не самим элементам, а их позиции. Эти структурные схемы как бы передают значимые для Л. Кана пространственные отношения, воплощающиеся в бесконечном числе конкретных решений.

Литература

1. Кали Ф. Миф пространства у архитекторов, вышедших из Баухауза // В.Ц.П., Перевод № В-20095, – М., 1980. – 12 с.
2. Кастекс Ж. От Луиса Кана до Роберта Вентури / Ж.Кастекс, Ф.Панерэ // Современная архитектура. – 1972. – № 5. – С. 88-91.
3. Мастера архитектуры об архитектуре. – М.: Искусство, 1972. – 591 с.
4. Kahn L. Order // L' architecture d'aujourd'hui. – 1963. – № 105. – S. 76.
5. Kahn L. Talks with students // Architecture at Rice. – 1969. – 87 s.
6. Kahn L. Room, Window and Sun // Canadian Architect. – 1973. – vol. 18. – № 6. – S.52-55.
7. Kahn L. Harmony between man and architecture // Design Incorporating Indian Builder. – 1974. – vol. 18. – № 3. – S. 23-29.
8. Ronner H., Jhaver Sh., Vasella A. Louise Kahn. Complete work 1935-1974. – Zurich: Institute for the history and theory of arch: – tectyre, 1977. – 456 s.

References

1. Kali F. *Mif prostranstva u arhitektorov, vishedshih is Bauhausa* [Myth space architects, emerging from the Bauhaus]. Moscow, 1980, 12 p.
2. Kastes J., Panere F. *Ot Luisa Kana do Roberta Ventury* [From Louis Kahn to Robert Venturi]. 1972, no. 5, pp. 88-91.
3. *Mastera arhitekturi ob architecture* [Master of Architecture]. Moscow, 1972, 591 p.
4. Kahn L. Order. L' architecture d'aujourd'hui, 1963, no. 105, P. 76.
5. Kahn L. Talks with students. Architecture at Rice, 1969, 87 p.
6. Kahn L. Room, Window and Sun. Canadian Architect, 1973, vol. 18, no. 6, pp. 52-55.
7. Kahn L. Harmony between man and architecture. Design Incorporating Indian Builder, 1974, vol. 18, no. 3, pp. 23-29.
8. Ronner H., Jhaver Sh., Vasella A. Louise Kahn. Complete work 1935-1974. Zurich: Institute for the history and theory of arch: - tectyre, 1977, 456 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ**Явейн Олег Игоревич**

Кандидат архитектуры, профессор кафедры Советской и современной зарубежной архитектуры, Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

e-mail: yawein@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR**Yavein Oleg Igorevich**

PhD in Architecture, Professor Chair of Soviet Architecture and Foreign Contemporary of Architecture, Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

e-mail: yawein@mail.ru